

ПРЕДМЕТЫ ХРИСТИАНСКОГО КУЛЬТА VIII–IX вв. ИЗ ПЕРВОЙ МЕЧЕТИ ТАРАЗА X–XIII вв.

Христианская церковь Тараза, по источникам, перестроенная в мечеть в 893 г. при захвате Тараза Саманидом Исмаилом ибн Ахмедом, по-видимому, была частично исследована Т.Н.Сениговой¹. Ей было упомянуто о христианских артефактах, но они публиковались. Продолжение исследований сооружения церкви Тараза, как мы предполагаем той же, проводилось в 2006–2007 гг., С.Ильясом (под руководством академика К.М.Байпакова). Христианские артефакты не публиковались, приоритет отдавался культурным слоям сооружения X–XIII вв. с упоминанием о наличии «христианского следа», в доисламских слоях сооружения. Здесь публикуются наиболее общие материалы из источников о христианстве и мусульманстве региона. Проводится анализ источников, свидетельствующий о том, что исследование в разное время было проведено на одном объекте: на мечети-церкви, расположенной на III-м рабаде Тараза. Христианство в долине Таласа имело распространение уже с V–VI вв. Знания дополняются христианскими артефактами VIII–IX вв. из мечети.

Ключевые слова: культовые сооружения, рабад Тараза, Саманиды, раннее средневековье, церковь, мечеть.

ВВЕДЕНИЕ

Тараз – один из древнейших городов Казахстана, возник и развивался еще в период античности, как центр развития материальной и духовной культуры, привнося в нее значительную самобытность торговли. К сожалению, адекватного представления о религиозной картине в до-

Железняков Борис Анатольевич – магистр, докторант PhD, ст. науч. сотр. Института археологии им. А.Х.Маргулана МОН РК, Алматы (Казахстан); boriszheleznyakov@mail.ru

Работа подготовлена в рамках выполнения проекта: AP09260358 «Средневековые тортуки и культурный ландшафт Таласской долины».

¹ Работа опирается на материалы Таисии Николаевны Сениговой (1922–2020) – археолога, крупного специалиста в области изучения памятников Южного Казахстана: Тараза, Туркестана. Ее монография «Средневековый Тараз», по-прежнему главный источник знаний по древностям Тараза. (Алимжанова 2020).

исламском Таразе еще не сложилось. Долина р. Талас была той «страшной», которую тюрко-манихейская «Книга двух основ» (VIII в.), обнаруженная и изданная А. Лекоком при исследованиях в Кочо¹ называет: «Аргу-Талас, Алтун-Аргу-Талас, Аргу-Талас-Улуш»². Тараз, Хочо и многие другие городские центры, расположенные между ними – были важными пунктами, в том числе религиозной христианской «инфраструктуры» северной ветки между центрами Восточной христианской церкви Ближнего Востока и Китая. Особенно это относится к периоду VIII–IX вв. Очевидно, что на одних участках доминировало, например, христианство, на других манихейство. Также и по времени происходила смена доминант.

Страна Аргу занимала положение вдоль трасс Великого Шелкового пути, укрепилось оно за отрезком от Баласагуна до Тараза (по другим данным до Испиджаба). Однако, первоначально, в труде Н.Я.Бичурина приводится такое ее описание: «Край Небесных гор начинается в Кашгарском округе от Аргу-тага (горы Аргу)... китайцы называют их Белыми горами Бай-шань»³. То есть, снежные горы Илийской долины (Иле Алатау), переходящие в Кыргызский Алатау, являлись этими горами «Аргу» (известными в позднюю античность). По-видимому, на языке населения того периода, именно оно наиболее полно характеризовало особенности региона. Аргу было названием либо Чуйской, либо Илийской долины, возможно, объединенным названием этого региона, объединенного сходными климатическими условиями подгорной долины, растянувшейся на сотни километров в широтном направлении. Также, обладавшего важнейшими коммуникативными функциями, особенно до тех пор, пока река Чу впадала в Нижнюю Сырдарью. В представлении ал-Идриси, река Чу (река Руза) впадала в Аральское море⁴. Основная караванная дорога из Восточного Туркестана проходила в средние века через Иссык-Куль и долину р. Чу⁵, далее, через Талас в долину Сырдарьи по проторенным с древности путям. Особенно горная часть Чуйской долины имела стратегический характер, в том числе для мировых держав. Например, до Атлахской битвы 751 г. Там существовали многочисленные китайские гарнизоны⁶.

Талаская долина являлась центром манихейства расцвет, которого пришелся на доисламское время. Исследователи: Кляшторный С.Г.,

¹ von Le Coq 1913: taf. 4.

² Кляшторный 2006: 122.

³ Бичурин Н.Я. (Иакинф) 1955: 41.

⁴ Зуев 1995: 43.

⁵ Акымбек, Железняков 2021а: 65.

⁶ Акымбек, Железняков, 2021в: 82–83.

Зуев Ю.А., Торланбаева К.У. свидетельствовали об этом, опираясь на известный источник, упоминавшим четыре обители (ни одна пока не найдена) и двум-трем находкам артефактов Т.Н.Сениговой в 1957 г. в районе «Мучного базара»¹. Из-за явной ограниченности манихейских артефактов, трудно не согласиться с П.Б.Лурье, который подчеркивал, что следы манихейства в Семиречье: «трудно уловимы», сравнительно с буддизмом и христианством².

Судя по перечню городов в публикации П.Лурье, в «Семиречье» известный исследователь включает весь регион между Восточным Туркестаном и Южным Казахстаном³. Топоним же страны «Аргу», постепенно исчезает в монгольское время. В настоящее время обособлена более узкая точка зрения на регион *Семиречья* (фактически Алматинская область) и еще более узкая на *Жетысу*⁴ (территория к северу от Жетысуского Алатау до оз. Балхаш), но этот топоним применялся в XIX – начале XX вв. К середине XIV в. улус Чагатай был разделен на Мавераннахр и Могулистан, враждовавших между собой. Жителей Могулистана называли «Джете» – «грабители» или улусом Джете⁵. К 60-м гг. XIX в., край назывался Илийским, бывшей Джунгарией. В известной статье Н.А.Абрамова нет упоминаний о Жетысу или Семиречье применительно к Илийской долине, как и относительно местности вокруг города Капал – нет упоминания о ее отношении к Жетысу⁶. По-видимому, оно вошло в регулярное употребление несколько позже. В любом случае, мы видим, как регулярно меняется название территорий этого благодатного региона от Каратау до «Джунгарии». Название региона Жетысу/Семиречье вошел в научный оборот многими трудами классиков востоковедения и археологии с 70-х гг. XIX в, очевидно этому способствовало образование Семиреченской области в июле 1867 г. Звучному названию региона, подчеркивавшему изобилие водных источников в регионе пустынь и полупустынь, даже воздвигли фонтан-памятник «Жетысу».

Уникальные находки руин храмов и сохранившихся элементов их убранства в Хочо (Chotscho), уникальность: манихейских, буддийских и христианских древностей⁷ подтверждают поликонфессиональную картину раннесредневекового населения не только Восточного Турке-

¹ Сенигова 1960: 97–101.

² Лурье 2018: 115.

³ Лурье 2018.

⁴ Рогожинский 2019: 14–30.

⁵ e-history.kz: 1.

⁶ Абрамов 1867: 255–320.

⁷ von Le Coq 1913.

стана¹, но и ситуации, по-видимому, вдоль всего отрезка пути из Самарканда в период VII–X вв. На основе, как археологического материала, так и источников, совершенно справедливо, *страну Аргу* считать и христианским центром. Известны находки Т.Н.Сениговой: фрагмент терракотовой иконы², находящейся ныне в ЦГМ РК, обломок ручки сосуда с налепом в виде рельефного равноконечного креста³. Имеются и христианские захоронения на некрополе Тараза, интерпретированные М.Е.Массоном⁴. В другом случае, на хуме с очищенными костями отмечено изображение креста, был найден в 1939 г. в Таразе⁵. О прямой аналогии этому сосуду упоминает и Л.И.Ремпель, приводя согдийские аналогии⁶. Это важно, поскольку, часто хумы – костехранилища изготавливались со специальными деталями (крышка с отверстиями, которая привязывалась к тулову хума), то есть были предназначены изначально только для захоронения очищенных костей⁷. В музее Тараза экспонируется и оссуарий (юрта) с крестом – налепом на крышке, обычно интерпретируемые, как симбиоз христианского образа жизни и зороастрийского погребального обряда. Имеются там и другие артефакты с изображениями крестов, которые, впрочем, могут иметь еще более смешанную интерпретацию. Хорошо известен и керамический сосуд из раскопа средневекового Тараза 1938 г. с надписью, интерпретированной А.Я.Борисовым: «Петр и Гавриил» (сирийским (уйгурским?) письмом⁸. Церковь, упомянутая в источнике, которая была переделана в мечеть в 893 г. при захвате Тараза Исмаилом Самани была исследована Т.Н.Сениговой⁹ на III рабаде Тараза, по крайней мере, она так обоснованно предполагала.

В XIII в. в Таразе городская жизнь надолго прекратилась, до XVIII в. Можно увидеть и некую закономерность в средние века: когда процветала городская цивилизация на протяжении более тысячелетия: центром региона был Тараз-Баласагун, в позднем этапе развитого средневековья – расцвет кочевой: административные центры были перемещены на восток, в том числе в Алмалык и Каялык. После 40-х гг. XIV в. городская жизнь, возможно за редким исключением в регионе исчезает. Вопрос требует отдельных исследований, возможно, гранто-

¹ Восточный Туркестан и Монголия 2020.

² Сенигова 1968: 63.

³ Байпаков 1994: 98.

⁴ Ремпель 1957: 109–110, рис. 42, 1, 3, 4.

⁵ Пацевич 1948: 98.

⁶ Ремпель. 1957: 105.

⁷ Байтанаев, Железняков 2020: 119–120.

⁸ Борисов 1948.

⁹ Сенигова 1972: 140.

вого финансирования. Этот период около века, по-видимому, был переходным для постепенной адаптации населения к кочевому и полукочевому образу жизни организации обмена видами продовольственной и ремесленной продукции, без которой невозможно представить население эпохи средних веков и Нового времени.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ХРИСТИАНСТВЕ ЧАЧА И ТАРАЗА (VIII в.), О ЕГО ЗАКАТЕ В САМАРКАНДЕ В XV в.

Ценные сведения о мелькитах Чача (и Тараза), массово, судя по источникам, переселенных в 762 г. из Селевкии-Ктесифона в своей работе приводит К.Перри¹, подтверждаемых и археологическими данными. О (возможном) переселении католикоса мелькитов в область Чача сведения несколько запутанные. Часть мелькитов, при том значительная, могла остаться в Вавилонии². Это свидетельствует о переселении христиан за границы мусульманского мира в начале второй половины VIII в. Об укреплении христианского влияния в Шаше и Аргу.

Весьма примечательные данные по позднему периоду христианства Согда содержатся в итоговой работе А.Савченко и М.Дикенса по археологическим исследованиям в районе Ургута³. В источниковедческой части этой публикации, написанной западным исследователем, хочется выделить его заключение о том, что, в целом «азиатское христианство после X в. начало свой упадок. При этом христианские общины Самарканда сохраняются⁴ еще несколько столетий (почти полтысячелетия). М.Дикенсом приводится свидетельство персидского историка ал-Джуджани о конфликте между христианскими и мусульманскими общинами Самарканда, случившимся между 1256 и 1259 гг., завершившимся разрушением церкви. Марко Поло сообщал о пустующем храме Иоанна Крестителя в 1275 г. Значительный урон христианской общине был нанесен в эпоху Тимура. К последним датам, когда упоминаются гонения на христиан в Самарканде, относятся 1422 и 1429 гг.⁵ О чуть более раннем периоде М.Поло сообщал: «Христиане Самарканда тому, что царь их стал христианином, очень радовались и выстроили большую церковь во

¹ Parry 2012.

² Parry 2012: 98.

³ Savchenko, Dickens 2009.

⁴ Savchenko, Dickens 2009: 125.

⁵ Savchenko, Dickens 2009: 125.

имя Иоанна Крестителя, так ее и называли»¹. Тем самым, в наиболее крупных культурных центрах Центральной Азии христианство сохранялось еще до начала – второй четверти XV в. Относительно сроков действия католической миссии в Средней Азии, упоминается о назначении Папой Римским Иоанном XXII римско-католического епископа Самарканда в 1329 г.²

Весьма примечательным с точки зрения общения с митрополиями является комментарий аль-Бируни относительно того, что мелькиты Хорезма (долгое время) разделяли решения только шести Вселенских Соборов. Решения 7-го (787 г.) – «об иконопочитании» (после длительного «иконоборчества», введенного императором Львом Исавром в 720-х гг.) были утверждены в Хорезме, лишь в конце IX в.³ Тем самым, мелькиты, значительное время, как и несториане, по-видимому, не имели изображений и, тем сложнее выделить их по археологическим материалам. Мелькиты, фактически разделяли судьбу других ветвей христианства Центральной Азии. Несториане начали отказываться от икон после того, как они определились относительно «плоти» Христа, как «вполне человеческой» – в середине IX в., их выбор в сторону иконоборчества стал предопределен⁴. Тем самым, период с 760-х до 893 гг. в Таразе можно было бы назвать расцветом доисламской культуры зороастризма, христианства, манихейства, очевидно, их конкуренции во всех сферах.

НАЧАЛО ИСЛАМА В ТАРАЗЕ

Плохо отраженные в источниках события 730-х гг., реконструированные по археологическим источникам – арабские походы на Сырдарью⁵, имели непосредственным продолжением известную Атлахскую/Таласскую битву 751 г. (времена Омейядского Халифата). Однако, уже через год после той победы арабское влияние в Южном Казахстане исчезает, о чем нет прямых и подробных указаний в источниках, но это достаточно четко установлено по археологическим свидетельствам, материалам исследований. Арабы вынуждены были вернуться в Самарканд и обнести его длинной стеной со всеми сельскохозяйственными рабадами (на десятки километров)⁶. Процесс распростра-

¹ Поло 1976: 31.

² Sims-Williams 1991: 331.

³ Parry 2012: 102.

⁴ Лурье 2006: 426–427.

⁵ Смагулов 2004.

⁶ Карев 2000: 212–213.

нения ислама и мусульманской культуры в Южном Казахстане возобновился в 840-х гг. Нух ибн Асад совершил победоносный поход в страну тюрок и установил контроль над ключевым торговым центром Испиджабом (Сайрам)¹. Вторым крупным центром исламской культуры стал столичный город на Арыси – Арсубаникет (городище Караспан)². Были обнаружены следы разрушений и пожаров на соседнем памятнике Жуантобе³. Благодаря археологическим исследованиям были найдены значительные и однозначные археологические подтверждения тем процессам, возведение стен и возможное возведение систем караул-тобе⁴, связавших центры оазисов для оповещения того времени – теперь уже лишь зримая часть археологического наследия⁵. Саманиды задержались в Южном Казахстане на половину столетия. Лишь в конце IX в. Тараз был взят и началось вовлечение населения долины в мусульманскую культуру.

Однако, был еще, как минимум один поход мусульман против тюрок (по-видимому, не один), практически неизвестный, в регион Тараза. Сравнительный анализ дошедших источников (в Мешхедском списке сочинения Ибн ал-Хамадани «Ахбар ал-Булдан» сохранилось сообщение о крупном сражении Исмаила б. Ахмада с тюрками, сопровождаемое легендарными и фактическими деталями, анализ которых свидетельствует о том, что событие состоялось 903/904 г.⁶ Подобными фактами логично объясняется факт возведения «длинных» стен вокруг земледельческих рабадов крупных городов, поводом к изучению вопроса стало обнаружение хорошо сохранившихся стен Караспана⁷, о чем упоминается в источниках⁸. Фиксировались «длинные стены», в том числе и в Таразе⁹. Как известно, в 960 г. местная династия Караханидов приняла ислам и этим событием, во многом закончился период разрыва между принятием ислама городским населением и его «затянувшегося» принятием тюрками, именно до этого периода, характеризовавшегося напряженностью отношений.

До проникновения в Тараз Саманидов в 893 г. этот период может

¹ Бартольд 1963: 320.

² Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии 2008: 113, 201–203, 270–271.

³ Железняков 2011: 90–100.

⁴ Байтанаев, Ергешбаев, Шаяхметов 2019.

⁵ Железняков 2009: 192–195.

⁶ Асадов 2011: 214 с.

⁷ Железняков, 2009: 174–175.

⁸ Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии: 2008: 113, 201–203, 270–271.

⁹ Байпаков, Григорьев 1999: 55.

характеризоваться как расцвет несторианской (мелькитской), церкви в регионе. Возможно, что к третьей четверти VIII в. и относится первое переоборудование из сооружения традиционного культа в христианскую церковь квадратного здания, ориентированного по сторонам света (то есть наиболее удобно перестраиваемого), расположенного в «деловом» центре крупного и древнего города.

Изучение раннесредневековых слоев древних центров городской культуры Южного Казахстана, Таласской долины связано с тем, что значительная их часть сосредоточена в центрах современных городов, с разрушениями слоев в предыдущие годы. Наибольшую информацию о культурных слоях древнего Тараза, выявленных в 1930–1960-х гг. можно почерпнуть из монографии Т.Н.Сениговой (рис. 1)¹, в последние годы отмечено не так много публикаций несмотря на масштабные раскопки и работы по музеефикации, проведенной в 2010-х гг. Факты из исторических источников, изобилующих тенденциозностью и «мифологией», требуют обязательного подтверждения артефактами и памятниками. В этом смысле уникальным объектом является первая мечеть Тараза, выявленная в ходе исследований 3-го рабада древнего Тараза с явно христианскими артефактами и, возможными дохристианской планировкой культового сооружения.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРВОЙ МЕЧЕТИ ТАРАЗА

В 2006–2007 гг. сотрудниками Института археологии им. А.Х.Маргулана, археологом С.Ильясом, под руководством академика К.М.Байпакова были проведены археологические исследования объекта близ мавзолея Карахана. Реставраторы и документалисты: Т.С.Дошанова и Н.Д.Егоркина приводят сведения о том, что на этой территории до середины XIX в. функционировало старое кладбище. В 60-е гг. XX в. территория была сnivelирована и на ней были построены спортивный комплекс, а позднее здание гостиницы. Однако за гостиницей сохранялась полуразрушенная часть городища. Археологические раскопки выявили остатки мечети, которые были законсервированы и музеефицированы в 2007–2008 гг.² Авторы музеефикации и статьи говорят о проблемах, связанных с музеефикацией сырцовых структур более раннего здания, датированных авторами VII–VIII вв. О переобо-

¹ Сенигова 1972: 23–56.

² Дошанова, Егоркина 2008.

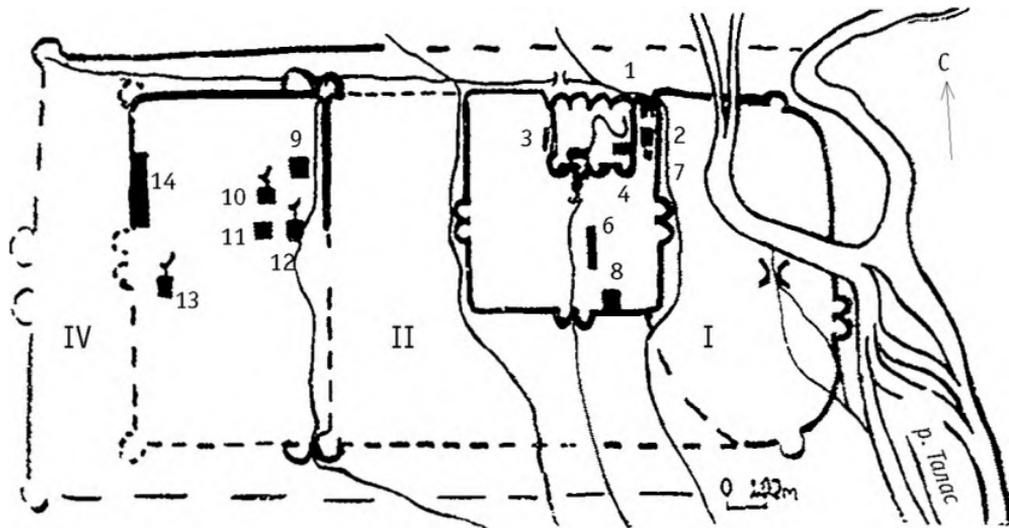

Рис. 1. План городища Тараз с указанием положения заложённых на его территории раскопок: 1 – раскоп, баня; 2 – раскоп 2, стратиграфический (Л.Г.Розина, Н. Кипарисова 1936, 1938); 3–4 – раскопы 3 и 4 (А.Н.Бернштам, 1936–1938); 4а – раскоп 4а (Г.И.Пацевич, 1940); 5 – раскоп 5 (М.С.Мерциев, 1962); 6 – раскоп 6 (Е.И.Агеева, 1961–1962); 7 – цитадель (раскоп 1, Т.Н.Сенигова, 1963); 8 – шахристан (раскоп 1, Т.Н.Сенигова, 1961); 9 – рабад III, караван-сарай (раскоп 3, Т.Н.Сенигова, 1962); 10 – рабад III, церковь (раскоп 4, Т.Н.Сенигова, 1962); 11 – рабад III, дом феодала (раскоп II, Т.Н.Сенигова, 1962); 12 – мавзолей Давудбека, XIII в.; 13 – мавзолей Карахана, XI в.; 14 – жилой комплекс горожан (раскоп I, Т.Н.Сенигова, 1962).

рудования сооружения в мечеть, по-видимому, в конце IX в.¹ О переиспользовании объекта свидетельствуют явные особенности плана мечети, говорящие о, как минимум, его двух вариантах и его существовании на двух этапах (рис. 2). О двух способах установки крыши/купола: двух традициях в культовой архитектуре.

ОПИСАНИЕ ИССЛЕДОВАННОГО СООРУЖЕНИЯ

Сооружение периода X–XIII вв. (на этапе его существования как мечети), оно представляло собой «столпный» тип, когда на установленные рядами деревянные столбы, отмеченные руинами баз колонн, выложенных из камня, с остатками древесины подпорных столбов, была установлена плоская крыша (реконструкция Т.С.Дощановой и

¹ Дощанова, Егоркина 2008: 151.

Н. Д. Егоркиной)¹. Количество рядов в квадратном помещении внешними размерами со стенами толщиной 2–3 м: размерами: 20×20 м, таких опор было 4 ряда по 4 базы, то есть, всего – 16 опор. Вход был с севера, а михраб был устроен в западной стенке. Кроме этого, имеющего отношение к мечети, при проведении археологической зачистки, в центре помещения были зафиксированы, расположенные в форме ромба следы оснований четырех ромбов, которые были расположены на равном расстоянии от стен – 2,6 м и на расстоянии 1,8 м друг от друга. В плане мечети зафиксирована их относительная точность расположения относительно стен и центра сооружения². То есть, при таком понимании, стены сооружения остались на прежнем месте, а перекрытия были обновлены. Помимо оснований опор в виде ромба, не относящиеся к мечети, по-видимому, относящейся к периоду до конца IX в. были и еще другие особенности «плана» – «пилоны», из обожжённого кирпича, по два у каждой стены, сохранились полностью или частично восемь таких пилоном пилонов (рис. 3). Наиболее подробное описание стен и структур помещения можно встретить в статье А. А. Нуржанова и Г. А. Терновой³. Размеры зала – 14,60×14,15 м. На его полу выявлены каменные базы и деревянные части колонн диаметром около 17–18 см, а также фрагменты горелого дерева. Стены шириной от 2 до 3 м сложены из блоков пахсы и сырцовых кирпичей техникой комбинированной кладки. Толщина сохранившихся стен разная: северной (фасадной) – 3,1 м, восточной – 2,5 м, западной – 1,8 м и южной стены – 2 м. Сырцовый кирпич двух видов: прямоугольный (45×22,5×9 см) и квадратный (26×26×10 см). Внутренние вертикальные поверхности стен обкладывались прямоугольными сырцовыми кирпичами. Такая конструкция была выявлена в северной, южной и восточной стенах. Что касается западной стены, то она была подвержена капитальной перестройке. Основание стены сохранилось на высоту до 0,5 м. Вход расположен в северной стене. Ширина входа 1,77 м. Он выделен двумя выступающими пилонами и расположен со стороны вымощенной каменными плитами улицы шириной 2 м. Во входном проеме выявлены следы конструкции в виде углублений для закладки деталей дверей⁴. Значительная разница в толщине стен, размерах кирпича также свидетельствует, косвенно, о вероятных переделках в сооружении.

Вполне закономерно, если крупное общественное помещение, удачно расположенное в месте скопления народа переобустраивается,

¹ Дощанова, Егоркина 2008. 149.

² Дощанова, Егоркина 2008: 149–150.

³ Нуржанов, Терновая 2020.

⁴ Нуржанов, Терновая 2020: 102.

для другой религиозной традиции. На четырех ромбах – основаниях: 4 центральных опорах мог быть устроен купол, а крыша крепилась на стены и приставные опоры в общем 12 опор. В этом смысле 8 пилонов и 4 ромба скорее всего, были связаны каким-то решением, очевидно служили базой для деревянных конструкций для крыши – купола. Это было в постройке, предшествовавшей перестройке в мечеть X–XII (XIII вв.), с горизонтальной крышей и возможно небольшим куполом.

Кроме деталей плана раннего сооружения доводами в пользу его переиспользования могут служить находки терракотового декора в виде крестообразных розеток, а также с другими видами орнамента (рис. 4), свидетельствовавших о богатом его разнообразии¹. Подобные виды декора, содержащего равноконечный крест, связываются с христианством или манихейством. Логично предположить, что в первых мечетях, которые приспособлялись из церквей и других культовых сооружений старый декор, напомиавший о символике и принадлежности прежнего сооружения наиболее вероятно, полностью сбивался/нивелировался.

ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ РАСКОПОК, ОБСУЖДЕНИЕ

История изучения, поисков в культурных слоях городища Тараз остатков фундамента и руин стен, планировки первой мечети, переделанной из церкви (упоминаемой в источниках) претерпела определенные этапы. Прежде всего, это исследования известных востоковедов и археологов до археологического вскрытия объекта, случившегося, как мы предполагаем в 2006–2007 гг. Хотя археологические исследования А.Н.Бернштама («раскоп V, был расположен к югу от цитадели, среди базарных построек»)² и Т.Н.Сениговой (раскоп IV на третьем рабаде)³ предполагали исследование той самой мечети. Т.Н.Сенигова дает план Тараза с заложенными на нем раскопами, проведенными еще до А.Н.Бернштама, Л.Г.Розиным, им самим, Г.И.Пацевичем, Е.И.Агеевой и самой Т.Н.Сениговой⁴. Известный арабский географ X в. Макдиси сообщал, что «Тараз – славный, укрепленный город со многими садами, густо застроенный; имеет ров и четверо ворот; около него есть многолюдное предместье; у ворот города течет большая река, часть

¹ Байпаков, Баймурзин, Нуриев, Абдрашитов, Илияс 2008: рис. 18.

² Таласская долина ТСАЭ 1949: 33.

³ Сенигова 1972: 140–141.

⁴ Сенигова 1972: 25, рис. 1.

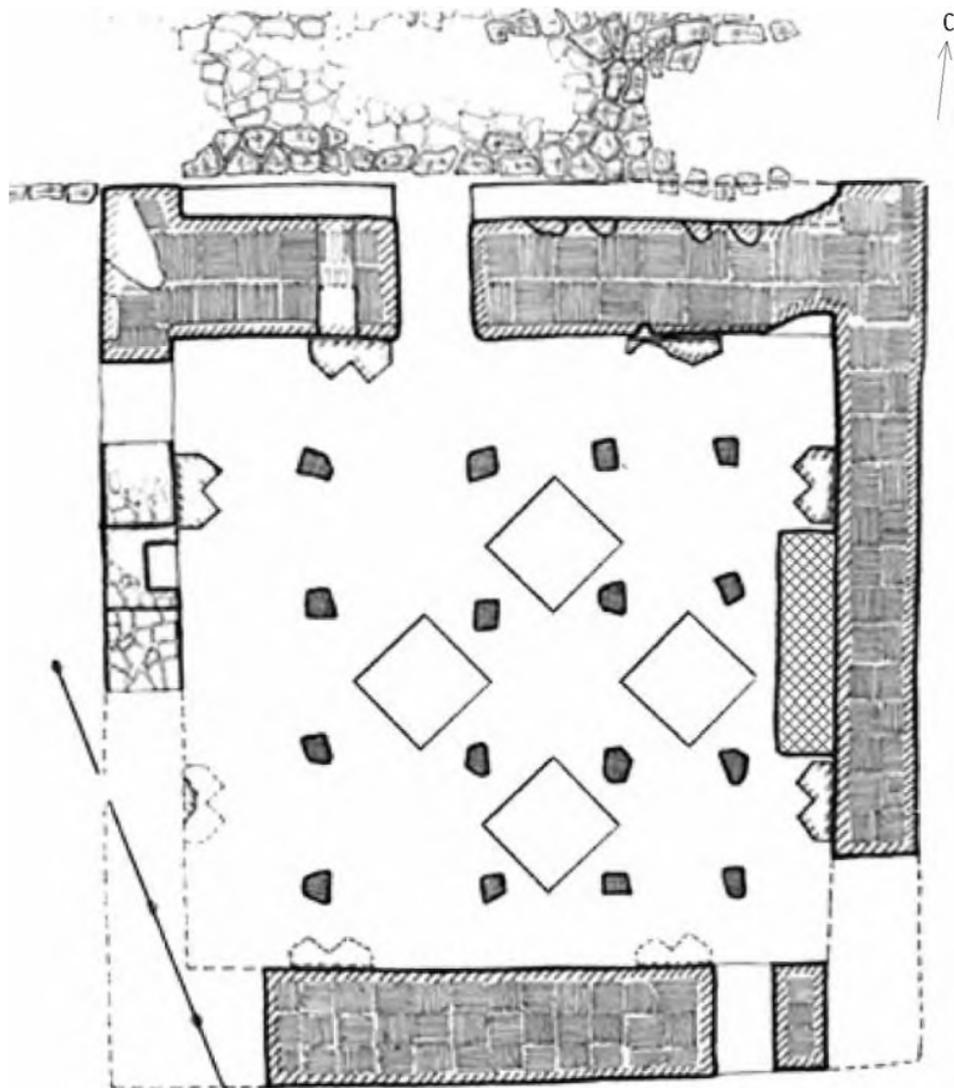

Рис. 2. План мечети (по: Байпаков, Илияс 2008: рис. 2а).

города находится по ту сторону реки, через реку проходит дорога: соборная мечеть находится среди базаров»¹. Очевидно, что соборная мечеть была построена позже, на некотором удалении от первой мечети.

По мнению А.И.Торгоева, сооружение, вскрытое в 2006–2007 гг. не может являться церковью. Т.Н.Сенигова в 1960-х г. исследовала идентичное сооружение где-то совсем близко на том же рабаде № 3. «В одном квартале не могли находиться две церкви, притом иден-

¹ Таласская долина ТСАЭ 1949: 33.

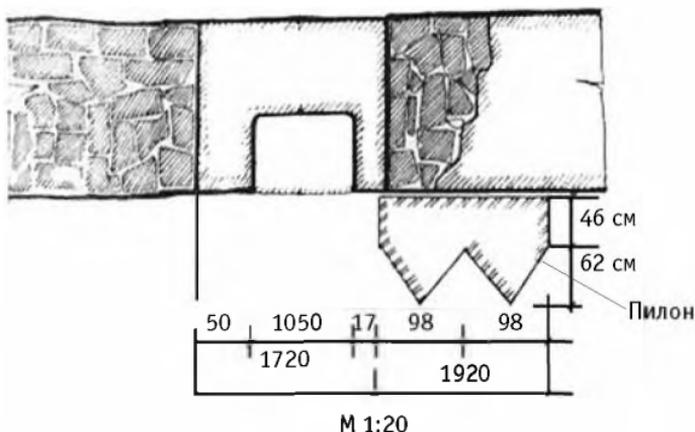

Рис. 3. Пилон, выложенный у стен сооружения: по два пилона у каждой стены (по: Байпаков, Илияс 2008: рис. 2в, 2б).

точной планировки»¹ (плане каждого сооружения документированы 4 ромба – опоры, совпадают размеры и все параметры, расстояния от стен и многое другое). Путем объективных сопоставлений можно прийти к выводу, что эти два плана скорее всего относятся к одному сооружению, нежели к типичным сооружениям, построенным в одном квартале. Планы и детали планировки, и их размеры странным образом полностью совпадают (из той части, что была вскрыта

¹ Торгоев 2013а: 118.

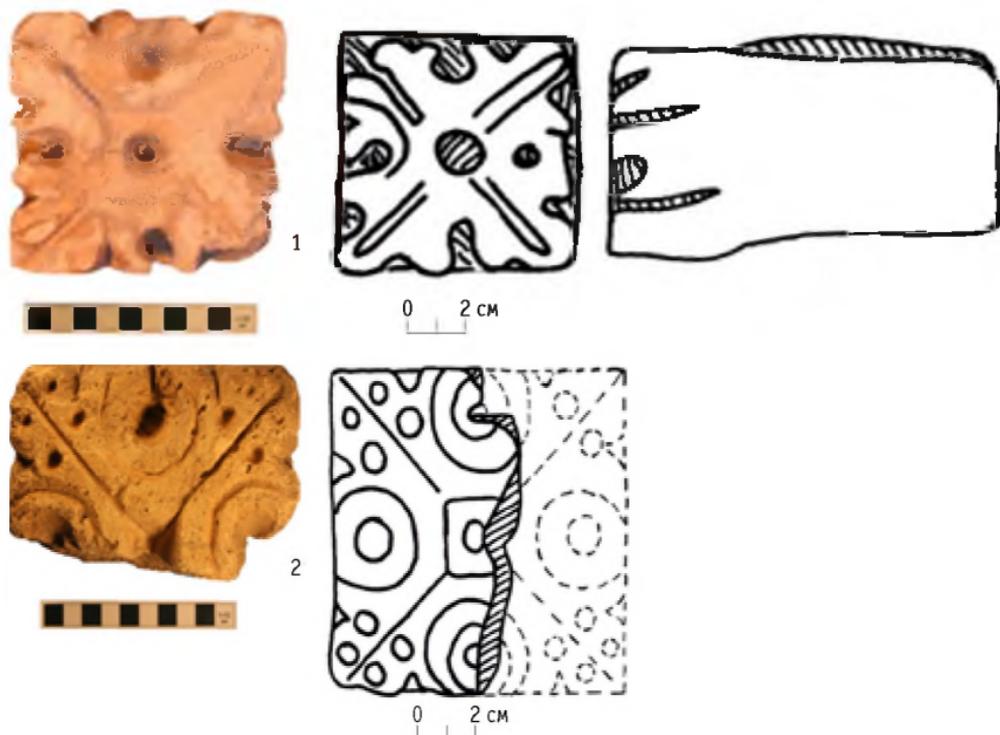

Рис. 4. Гипсовые резные кирпичи с геометрическим и растительным орнаментом внутренней отделки из нижних слоев мечети Тараза (по: Байпаков, Илияс 2008: рис. 18)

Т.Н.Сениговой (план отдельно стоящего здания¹). На первом этапе, оно не было исследовано полностью, шурфом – только центральная часть сооружения. В 2006-м гг. по воспоминаниям исследователей (в частности, Н.Д.Егоркиной), исследователи не догадывались о предыдущих раскопках объекта, а объект переставлял собой бугор между застроенными и занятыми землепользователями и строениями территориями. Окончательному сопоставлению двух раскопанных в разное время объектов

А также описанию: Наличие значительного количества светильников, «а также резервуара бронзового светильника с инкрустацией серебром, датированного И.Ивановым IX – началом X в. и отнесенного к церковным атрибутам, позволяет предположить, что эти основания были колоннами какого-то культового сооружения, возможно, той церкви, о которой упоминается в источниках в связи с завоеванием

¹ Сенигова 1972: 136, рис. 2.

Исмаилом Саманидом Тараза в 893 г. и которую он заставил перестроить в мечеть»¹.

А.И.Торгоев, предлагает считать исследованную в 2006–2007 гг. и позже реконструированную и музеефицированную мечеть, относительно небольших размеров – квартальной. Он считает, что наличие двух сходных сооружений в одном и том же третьем рабаде Тараза, исследованных Т.Н.Сениговой и, позднее С.Ильясом² могут свидетельствовать о двух квартальных мечетях, но едва ли о двух несторичанских церквях, которые существовали ранее и из которых эти мечети были переделаны³, закономерно отрицая факт наличия двух церквей (типовых), расположенных по-соседству. Кроме того: «их план не соответствует планам достоверно известных церквей» типичные для того времени планы церквей приводятся А.И.Торгоевым⁴. По нашему предположению, вероятно еще и ранняя смена культовой принадлежности этого городского культового сооружения (никак не отраженного в источниках), например, с традиционной (маздеистской), буддийской или иной, связанной с частичной внутренней перепланировкой сооружения, имеющей трехметровые стены с ориентацией по сторонам света.

С.Ильяс считает, что центральная церковь, перестроенная в мечеть, находилась на шахристане Тараза, а раскопанная церковь на рабаде – квартальная⁵. Анализ ситуации расположения мечети у базара и совпадения с рабадом 3 говорит нам о том, что сооружения церкви-мечети частично раскопанное Т.Н.Сениговой и полностью раскопанное С.Ильясом, это – одно и то же сооружение. Возможно, что его надо приравнять к квартальному сооружению, что однозначно в случае с мечетью. Когда все население крупного города приняло ислам, то стало необходимо новое крупное сооружение, в случае с христианством, эта церковь, расположенная рядом с базаром могла быть как центральной, так и «базарной» до 893/4 г. Нершахи сообщает: «Тараз был взят, большую церковь сделали соборной мечетью»⁶. Событие – явно историческое, перелистнувшее страницу доисламской истории региона со своей длительной традицией. Табари пишет, что Исмаил, взяв город тюрков-карлуков, пленил царя, его жену и около 10000 человек. Кроме того, «он убил многих» из сопротивлявшихся ему воинов и «забрал так много верховых животных» – лошадей, что нельзя было их

¹ Сенигова 1972: 140.

² Ильяс 2009.

³ Торгоев 2013в.

⁴ Торгоев 2013а: 120.

⁵ kazpravda.kz: 1.

⁶ Таласская долина 1949: 33.

сосчитать. Каждому мусульманскому всаднику при разделе добычи, награбленной в Таразе, «досталось 1000 диргемов»¹.

Артефакты, найденные в мечети, в ее нижнем культурном слое, свидетельствуют о использовании этого здания в качестве церкви, перестройке в мечеть, возможно, в 893 г. Находки были выставлены в музее города Тараз очень короткий период. Однако, экспозиция просуществовала менее года.

Равноконечный крест, «вырастающий» из тучного растения (по многочисленным аналогиям из (синхронной) китайской изобразительной традиции – лотоса, служащий навершием этому, по-видимому, символу: «здания Церкви» с крестом (рис. 5). Деталь изделия из бронзы, отломана в нижней части, что не позволяет уверенно говорить о предназначении, но скорее всего, это была «пятка» масляного светильника. Размеры детали (по-видимому, светильника-чиррага): 5,3×3,8 см, размеры креста: 2,5×2,5 см. Контуры креста, листьев растения прорисованы линиями в низком рельефе.

Возможно, что идея такой иконографии: крест над лотосом должна была возникнуть в Китае. Либо, она стала известна по многочисленным находкам (стелы, надгробия). В аналогии могут быть приведены многочисленные изображения на надмогильных камнях Внутренней Монголии из публикации Халбертсма² относится ко времени, значительно более позднему, чем крест с «лотосом» из Тараза, но и синхронные или чуть более ранние изображения, например на известной стеле Си-Ань-Фу, датируемую 781 г., содержат те же изображения креста над лотосом. Очевидно, что иконография, терминология, другие «носители» богословия и службы были разработаны на самом раннем этапе проникновения несторианства в Китай и его свободного проповедования до 845 г. (запрета на иноземные религии). Тем самым, в регионе Тараза могли сконцентрироваться не только христиане (мелькиты) из Ктесифона после 760-х гг., но и несториане из Поднебесной после гонений на иноземные религии, начавшиеся в 845 г.

Ажурная решеточка, бронза, литье, по нашему предположению (в том числе и А.И.Торгоева) – это деталь светильника (лампады), вероятно, основная деталь ее крепления у стены (рис. 6). Главной (центральной) иконографической деталью является равноконечный крест, по его расположению угадывается верхняя часть решетки (поскольку он, хоть и равноконечный, но должен находиться в верхней части ажурной решетки). В свою очередь лопасти этого креста составлены расширениями, внутри которой «вписан» удлиненный крест – удли-

¹ Сенигова 1972: 15.

² Halbertsma 2005.

нена нижняя перекладина. Крест, вписан в круг растительного орнамента, с четырьмя «побегами», делящими сегменты круга пополам. Круг, в свою очередь, наполовину вписан в полукруг растительного/зооморфного (?) орнамента. Размеры: 12,7×8,2 см функционально, решетка могла быть подвешена за единственный внешний крючок к креплению у стенки. Лампада могла подвешиваться за нижнюю, узкую часть этой решетки.

Пряжка для кожаного ремня, бронза, литье. Размеры: 7×3,5 см плоская. Состоит из планки, на тыльной стороне которой рельефно выделяется равносторонний крест, размерами 1×1 см, шириной 0,3 см (рис. 7). находка была опубликована в числе других бляшек (Торгоев 2013а.: 120, рис. 2). На лицевой поверхности растительный орнамент, выполненный в «тюркской» изобразительной манере, свойственных аналогичным рельефным изображениям, наносимых на ремennую garnитуру того времени. По обеим сторонам от креста имеются шпеньки высотой чуть более 0,5 см, куда вставляются отверстия на ремне, расстояние между которыми почти 3 см, предназначенных для фиксации ремня на талии. Ширина ремешка была порядка 2,5–3 см. Обращает внимание тот факт, что небольшой крест был рельефно выделан, именно на «обратной» стороне.

Кроме того, среди артефактов выделяется со следами значительных повреждений, возможно – «скульптурка», хотя «фактура» предмета больше напоминает подсвечник. Металлическое изделие сохранилось неполностью (отбита/сильно повреждена верхняя часть, возможно, голова от распятия) (рис. 8). Размеры «подсвечника или скульптуры»: 13,5×11,8 см.

Тем самым, явные следы изменений в плане сооружения свидетельствуют о переделках внутри капитальных внешних стен. Достаточно многочисленные рельефные терракотовые кирпичи – остатки внутренней, возможно, внешней отделки, где наряду с растительным декором применялись и разные варианты крестообразных орнаментов. Более всего убеждает в наличии в этом сооружении той самой исторической церкви нахождение в ней предметов с христианской символикой.

ВОЗМОЖНОЕ РАННЕЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЕ ЦЕРКВИ ИЗ ДРУГОГО КУЛЬТОВОГО СООРУЖЕНИЯ

Определенной проблемой в христианской интерпретации сооружения, по словам А. Торгоева является отсутствие прямых аналогий в планировке известных местных церквей. Значительный наплыв ирак-

Рис. 5. Орнаментированная часть бронзового предмета (свещильника): растительный орнамент с крестом (фото: А.И.Торгоева)

ских христиан (мелькитов) в регион должен был состояться в 60-е гг. VIII в., церковь могло заинтересовать новое (достаточно крупное) здание в торговом центре Тараза, в связи с укрупнением общины занять/выкупить культовое здание традиционного, например, местного течения/варианта маздеизма, значительное распространение которого хорошо фиксируются по захоронениям в хумах и сосудах-оссу-

Рис. 6. Бронзовая ажурная решетка, деталь (светильника?) с равноконечным крестом, в каждой лопасти еще по кресту (фото: А.И.Торгоева)

ариях¹. Хотя по наличию классических форм известных оссуариев и самому обряду можно уверенно говорить о развитом зороастризме у подавляющей части населения доисламского Тараза. Вход в мечеть был устроен с севера, таким же он был и в доисламском сооруже-

¹ Пацевич 1948.

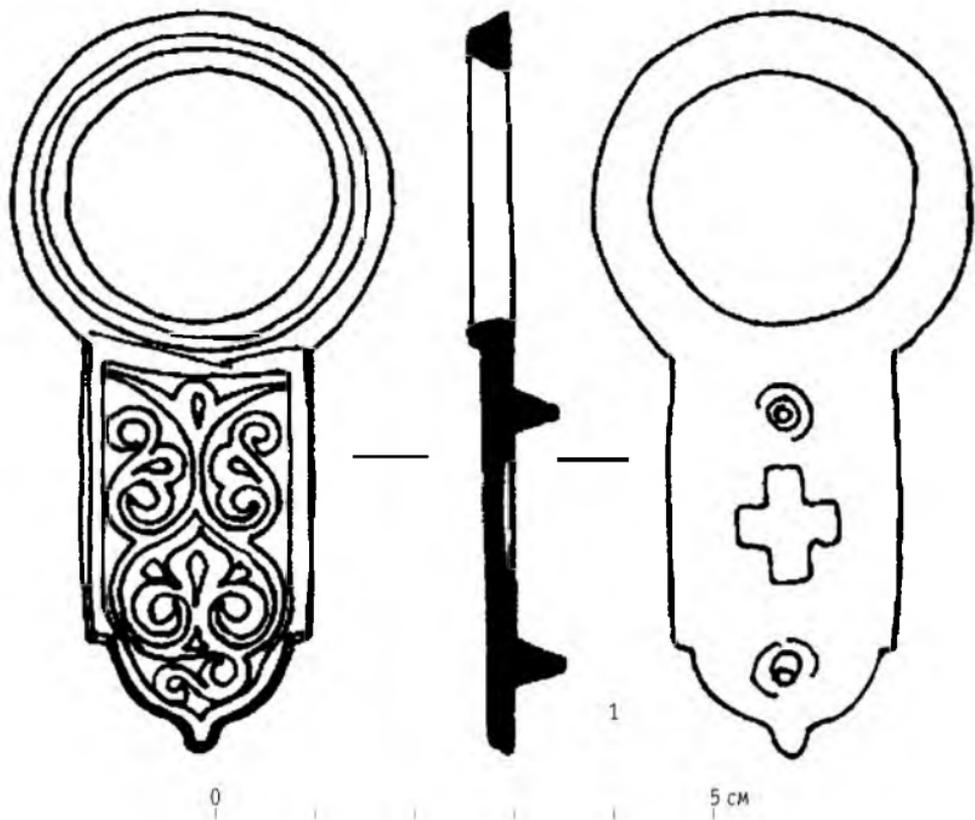

Рис. 7. Пряжка бронзовая (по: Торгоев 2013а.: 120, рис 2)

нии изначально и в момент существования там церкви. Вход был с мощеной камнем достаточно широкой улицы. Южная ориентировка алтарной части характерна для зороастрийских храмов. В таком случае: алтарь/михраб в этом сооружении мог переменить все стороны света с юга на восток, потом на запад, а вход всегда оставался с севера. Мечеть функционировала относительно долго, уже как небольшая, возможно, мечеть на старом кладбище. При раскопках была обнаружена монета династии Гуридов (вторая половина XII – начало XIII вв.) (рис. 9)¹. Была определена нумизматом П.Н.Петровым. Церковь же по нашему предположению, могла быть здесь в период с 760-х гг. по 893 г. и было приспособлено к христианской церкви, вероятнее всего, из другого культового сооружения.

В данный момент, мечеть музеефицирована, однако, публикуемые в данной статье экспонаты канули, пока бесследно.

¹ Байпаков, Илияс 2008: 40, рис. 30.

Выводы. Таким образом, представленные свидетельства, представляются нам достаточными для того, чтобы считать наиболее вероятным исследованный объект – церковь, переделанной в мечеть в конце IX – на рубеже X в. Не только, яркие артефакты с христианской принадлежностью, но и, например, керамика, (кангарского и согдийского круга) обнаруженная в сооружении, также выдает доисламскую датировку VII–VIII вв. нижних слоев сооружения¹. Наряду с монетой Гуридов, дающие верхнюю границу служб в мечети, там же были найдены два крупных фрагмента китайских монет «Кайюань Тунбао» VIII–X вв., а также и золотые украшения, которые могли быть приношениями в христианскую церковь, например в случае исцеления прихожанина (Байпаков, Илияс 2008: 40, рис. 30). Объект частично раскопанный (раскоп IV), заложенный у караван-сарая Т.Н.Сениговой, о чем она писала, в том числе и про артефакты (лишь упоминались в ее

¹ Байпаков, Илияс 2008: рис 23–24, 27–31, 34–38.

Рис. 8. Бронзовое скульптурное изображение или светильник(?), со значительными следами повреждений (фото: А.И.Торгоева)

монографии), которые выдают христианскую принадлежность нижних культурных слоев. Работы, продолженные на этом же объекте в 2006–2007 гг. завершили раскопки. Особенности плана сооружения идентичны, то есть, работы, по-нашему мнению, проводились на одном и том же объекте и в 1960-е и 2000-е гг. Естественно, что имеется

Рис. 9. Монета династии Гуридов из мечети Тараза (по: Байпаков, Илияс 2008: 40, рис. 30)

некоторая разница в деталях плана. Трудно однозначно утверждать, что это была центральная церковь доисламского Тараза.

Основное отличие от интерпретации А.И.Торгоева заключается в том, что, скорее всего, ориентировка пилонов в случае первых раскопок дается со смещением от снятого тахеометром объекта, выявленного в позднем раскопе (план мечети – рис. 2). Во втором случае, сохранность ромбовидных пилонов была уже совсем плохой: сохранились основания. Однако, общая характеристика: ориентировка и толщина стен, размеры стен или холма с руинами в значительной степени совпадают. Кроме того, планы и описания выявленных соседних зданий: у Т.Н.Сениговой: караван-сарая и мечети, а у А.А.Нуржанова и Г.А.Терновой¹ предполагаемые ханака и мечети, также в значительной степени напоминают друг друга. Напротив церкви-мечети, через улицу, также было выявлено значительное по размерам с мощными стенами общественное здание с функциями жилья: суфами, очагами и отоплением. В обоих случаях Т.Н.Сенигова исследовала 3-ий рабад крупными шурфами, главным образом для выявления датировки культурных слоев. Небольшое разночтение и в отдалении от существовавшего тогда мавзолея Карахана. Сейчас он находится в 120–130 м (по идеальной прямой), но тогда в застройке это могло казаться и 200 м, на которые и указывала Т.Н.Сенигова². Не настаивая на однозначности напрашивающихся выводов об идентичности, можем также пред-

¹ Нуржанов, Терновая 2020: 102, рис. 1.

² Сенигова 1972: 137.

Рис. 10. Исследователь средневекового Тараза Т.Н.Сенигова и аспирант Л.Б.Ерзакович. Мавзолей Карахана. Фото 1960-х гг. из личного архива Т.Н.Сениговой прислано ее внуком В.Рыбалкиным.

положить, определенную возможность существования и двух церквей (например, мелькитская и несторианская) и обе были переделаны в мечети, несмотря на несколько сотен метров их разделявших. В этой связи, трудно не привести фото из архива семьи Т.Н.Сениговой с подписью самого исследователя средневекового Тараза: «Я. Андроша (сын) и аспирант Ерзакович. На крыше мавзолея Карахана (под?) г. Джамбул» (рис. 10).

Мечеть, как знаковое (первое городское) исламское сооружение Тараза, расположенная между базаром и кладбищем с мавзолеем Карахана существовала, до XIV в. (Сенигова)¹, придя в окончательное запустение в числе позднейших в средневековом Таразе. Однако и жизнь в XII в. на рабадах Тараза отмечена пожарами, разрушениями, запустением, вызванные захватом города киданями и войсками хорезмшаха². В конце XVIII – начале XIX в. этот район центра древнего города воз-

¹ Сенигова 1972: 139–141.

² Сенигова 1972: 142.

родился одним из первых, был восстановлен мавзолеей Карахана. Город начал возрождаться от этой могилы святого, прозванного «Аулие-Ата» (святой старец), давшем название всему городу на новом этапе. Очевидно, восстановились и захоронения на старом кладбище. Восстановление памяти об этом уникальном культовом сооружении двух религий, должно способствовать восстановлению исторической правды, седой древности Таласской долины, переживавшей многие расцветы и падения. Безусловному росту интереса туристов к уникальному наследию этого древнего города Казахстана. Подчеркивать тесную взаимосвязь разных культур, исторический взгляд на их сближение.

Благодарности: автор выражает признательность научному сотруднику Отдела Востока Государственного Эрмитажа А.И.Торгоеву за предоставленный иллюстративный материал и консультации. Также огромную благодарность выражаю Ф.П.Григорьеву – археологу, исследователю Тараза, чей вклад в его исследования явно недооценён и А.В.Крокошевой – заместителю директора заповедника-музея «Памятники Древнего Тараза», а также Н.Д.Егоркиной начинавшей раскопки и проводившей реставрацию совместно с Д.С.Дошановой за консультации. П.Н.Петрову за определение монеты.